

Я. Г. РИЕР

Республика Беларусь, г. Могилев

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: СТАБИЛЬНОСТЬ ИЛИ ИЗМЕНЧИВОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ)

В переломные эпохи всегда обостряется интерес к прошлому, в котором даже далекие от исторической науки люди пытаются найти ответы на дилеммы выбора жизненных ориентиров и целей. Даже вооруженному профессиональными знаниями специалисту порой сложно отделить подлинно научные изыскания от хотя и наукообразных, но дилетантских концепций типа «новой исторической хронологии» А. Т. Фоменко, астрологических «штудий» и других сочинений, подающихся обычно в упаковке нетрадиционных или даже новых взглядов на историю. А ведь именно такие сочинения из-за их сенсационности часто становятся источниками для политических концепций и общественно значимых проектов. Сказывается и традиционное восприятие академической науки как оторванной от жизни и потому малопригодной для практики.

В таких условиях представляется актуальным рассмотрение исторических концепций, вскрывающих истоки современных общественных проблем и коллизий. При этом нынешнее уплотнение связей между человеческими сообществами, их переплетение, получившее недавно возникшее наименование «глобализация», требует компаративистского (сравнительного) изучения прошлого, сведения локальных и региональных наблюдений в единое целое.

В связи со сказанным хотелось бы обратиться к эпохе средневековья. Почему именно к ней? Древние общества, как известно, в своих стабильных формах, без кардинальных изменений цензур дожили до нашего времени лишь в отдельных регионах (Китай, Индостан, отдельные традиционные общества Африки). Основы же современного развития наиболее динамичных регионов Старого и Нового Света (Ближний и Средний Восток, Европа и Америка) сформировались именно в Средние века, когда там возникли теперь существующие цивилизации.

Цивилизационное восприятие исторического процесса, распространившееся в прошлом столетии, а в отечественной историографии лишь на излете XX в., не выработало такого однозначно понимавшегося понятийного и познавательного аппарата, какой был, например, в историческом материализме. И это неудивительно для открытой системы, какой, по сути, является человеческое общество при социальном подходе к нему. Упрощая, можно сравнить ложность вскрытия общественных явлений и систем с задачей всесторонне описать конкретного человека, причем не метафизически, а в динамике. Отсюда многообразие подходов и определений цивилизаций как человеческих обществ должно свидетельствовать не о неработанности данного подхода, а о его открытости, незакопченности, пластичности.

В моем понимании цивилизации – это человеческие сообщества с определенным уровнем различных явлений материальной и духовной культуры, формировавших условия жизни людей. При таком подходе в равной степени в отличие от формального сочетаются антропогенные (биологические) и социальные явления. В каждой цивилизации существуют многочисленные взаимодействующие между собой пласты – географическая среда, система хозяйства, демографические факторы, социальная организация, религия,

господствующая идеология, духовные ценности, политическая система, ментальность и даже антропологические черты, при изучении которых нельзя заранее устанавливать субординацию между ними. При этом еще раз хотелось бы подчеркнуть открытость данного понятия, что необходимо для избежания опасности догматизации процесса, в чем упрекали многих создателей цивилизационных схем в XX в., в частности А. Тойнби.

Исходя из предложенного понимания, в Средние века можно выделить ряд региональных и локальных цивилизаций: китайскую и индийскую, существовавшие с древности, японскую, исламскую Ближнего и Среднего Востока, Византийскую, западно- и восточноевропейские, а также традиционные общества Африки и доколумбовой Америки. Большинство из них, за исключением американской, сохраняют свою идентичность, что и позволяет видеть в средневековой эпохе начало современного общественного развития.

Если обратиться к анализу основополагающих различий, сделавших данные цивилизации столь устойчивыми, то искать их надо в комплексе природно-географических, демографических и хозяйственных признаков, ибо, как известно, вплоть до промышленной революции, ставшей нижним рубежом Нового времени, человеческое существование опиралось исключительно на аграрную сферу. Последняя, в свою очередь, была тесно связана с природной средой.

Именно специфика географических условий (ирригация, соседство с кочевниками) породила восточный государственный феодализм с известной неопределенностью прав частных лиц на земельные владения. Из этого возникли различные формы централизации восточных экономик. К этим цивилизациям топологически примыкают традиционные об-

щества Африки. Исключение составила лишь японская цивилизация, ибо географические особенности региона позволили там рано сложиться частной земельной собственности.

В Европе близкими к восточным оказались византийская и восточнославянская (российская) цивилизации. Причины этой близости лежат также в географических факторах и отчасти в постоянном давлении кочевого мира: от гуннов и аваров до турок и монголов. Избавленная от этих внешних факторов Западная Европа при благоприятных природных условиях, способствовавших сохранению и развитию индивидуального крестьянского производства, а также при наследии античных правовых традиций создала свою специфическую цивилизацию, краеугольным камнем которой является известная самостоятельность, как теперь называют, хозяйствующих субъектов (от крестьянского хозяйства до поместья, ремесленной мастерской и торговой лавки). На этой основе выросли основные ценности современной западной (атлантической) цивилизации – частное право, разделение властей и т. д. Центральная Европа в раннем средневековье представляла собой периферию западной модели, а в западнославянских землях была сильная, как и у восточных славян, община. Но на протяжении дальнейшего развития центральноевропейские народы неуклонно приближались к западной форме и уже в наше время с ней сливаются. Византия в конечном счете не выдержала ударов турок и погибла, а вся Юго-Восточная Европа фактически на полтысячелетия выпала из европейского исторического процесса. Восточная Европа сохранила свою специфику, но не ценой восприятия многих черт восточных цивилизаций, а прежде всего централизации экономики.

Все названные цивилизационные специфические черты сохранились и сегодня. Оценивая исторические пути выделенных цивилизаций, следует обратить внимание на динамичность, присущую, как оказалось, лишь западной цивилизации. Причины разнотемповости исторического развития следует искать в специфических чертах цивилизаций.